

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 328–342
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 328–342
© Автор(ы) 2016

ПЕРСОНОСФЕРА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО АНЕКДОТА XVIII ВЕКА

Е.Е. Приказчикова

*Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, Екатеринбург,
miegata-logos@yandex.ru*

Всматриваясь в особенности его былой жизни,
полной блеска, веселости, скептической иронии, ума и остроты,
испытываешь невольную потребность
реабилитировать этот литературный вид

Л.П. Гроссман

Аннотация. В статье рассматривается персоносфера русского литературного анекдота XVIII века, жанр которого выступал в качестве альтернативного по отношению к господствующим жанрам классицизма. Часто функционируя в составе мемуарного текста, анекдот отражал своеобразие личностного начала «частной честной» жизни при изображении таких знаковых для XVIII века фигур, как фигура императора (императрицы), придворного шута, поэта, вельможи. Автор отвечает на вопрос, какие личные и социально детерминированные качества каждой из данных персон позволили ей стать героем анекдотов и как отразилось в анекдоте своеобразие национальной субкультурной психологии российского дворянства.

Приказчикова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры классической литературы и фольклора «Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», старший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии. E-mail: miegata-logos@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные центры РФ (лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор №14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Ключевые слова: русский литературный анекдот, XVIII век, персоносфера, субкультурная психология российского дворянства

Литературный анекдот имеет долгую историю жанра. В переводе с греческого термин «ἀνέκδοτα» обозначает «неизданный, неопубликованный». Среди 14 основных риторических форм античности хрия – анекдот занимал третье место после басни и апофегмы, включая в себя рассказ об остроумном ответе, об удивительном и необычном поступке или же одновременно и об остроумном ответе, и о поступке. Особенно часто героями подобных анекдотов становились знаменитые философы, чье эксцентричное поведение и парадоксальные речи оказывались в центре всеобщего внимания. Достаточно вспомнить образ философа Диогена, чья жизнь в «бочке»-пифосе, поиск с фонарем настоящего человека и смелый ответ Александру Македонскому: «Отойди и не загораживай мне солнце», – сделали его символом кинической философии как таковой¹. В эпоху средних веков анекдот сближается по своему содержанию с такими родственными ему по духу европейскими жанровыми формами, как фаблю и фацеция, а впоследствии через посредничество французской словесности – с максимами, афоризмами и мемуарной литературой. В результате в XVIII и первой половине XIX вв. литературный анекдот переживает свой золотой век не только в Европе, но и в России, переместившись с периферии литературного процесса в его центр. И это происходит в условиях, когда прозаические жанры, особенно в эпоху классицизма, зачастую трактовались как жанры маргинальные (достаточно вспомнить знаменитый «запрет на роман» во Франции 1730-х гг.) по сравнению с доминирующими поэтическими жанрами. При этом если в России Петровской эпохи традиция литературного анекдота являла себя главным образом через жанр апофегмы, то уже к середине столетия литературный анекдот почти исключительно функционирует в составе так называемой автодокументальной литературы, придавая данному «альтернативному» (Г. Гачев) виду словесности необходимую литературную составляющую. Нельзя отказать в справедливости точке зрения Е. Курганова, автора одной из первых монографий, посвященной литературному анекдоту, что анекдот хотя и не может существовать, «не присасываясь к другому организму, как правило, большому и крупному», но он «не столько питается за счет других жанров, сколько питает сам, освежая, обогащая, привнося разнообразие и глубину»².

В отечественной исследовательской литературе наибольшее внимание всегда привлекал литературный анекдот первой трети XIX в., анекдот пушкинской эпохи. Так, Н.А. Белова выделяла анекдот «в ряду микрожанров, определяющих направление переориентации жанровой системы с поэзии на прозу, происходящую в русской литературе 1800–1830-гг.»³. На наш взгляд, в XIX в. уже происходит подведение итогов почти столетнего развития жанра литературного анекдота на русской почве, оформляются целые циклы анекдотов вроде «потемкинского фоль-

¹ Анекдот с необходимостью входил в состав античных жизнеописаний-биографий, порой включающих в себя целый ряд подобных анекдотов. Самый яркий пример этого дают «Сравнительные жизнеописания знаменитых греков и римлян» Плутарха, где характер того же Александра Македонского последовательно раскрывается через цепь анекдотов, начиная с истории его коня Буцефала и кончая прощанием умирающего царя со своими солдатами, проходящими мимо его ложа.

² Курганов 1997, 7.

³ Белова 2008, 4.

клора», проникнутого «поэзией безграничного», по словам Ю.М. Лотмана⁴. В то время как основные процессы, связанные в том числе с персонификацией русской литературного анекдота, происходили еще в XVIII в., что подтверждается активным функционированием анекдота в составе мемуарно-автобиографических произведений. Илон Фраймон даже советовал видеть в анекдотах циклы «нарративных» мемуаров, повествующих об экстраординарных событиях, для которых была свойственна краткость и пуантировка⁵. Точнее будет сказать, что речь чаще всего идет об экстраординарных личностях, к каким в XVIII в. относились правители (император или императрица), придворные шуты, писатели и поэты, а также ближайший круг вельмож. Подобный отбор персонажей хорошо вписывается в контекст государственной мифологии XVIII столетия, когда, по словам философа Г.П. Федотова, «в пышных дворцах Екатерины, в Царском Селе поэты встречаются с орлами-завоевателями; две линии наследников Петровых еще не разошлись. Лавр венчает меч, Державин поет Потемкина, и все на коленях перед Фелицей... Гармония между властью и культурой, как во дни Августа и Короля-Солнца, ничем не нарушается»⁶. Другое дело, что в литературном анекдоте акценты расставляются не всегда так, как это делается в старших жанрах русского классицизма, – той же торжественной оде, где торжество государственного мифа предстает перед читателем во всем его пиндарическом блеске. Если обратиться к литературным анекдотам о правящих монархах XVIII в.⁷, то легко заметить, что далеко не все из них удостоились чести стать героями анекдотов. Больше всего исторических анекдотов посвящены Петру I и Екатерине II, что в общем совпадает с ролью этих монархов в истории русского XVIII столетия. На третьем месте находится император Павел I, в то время как императрицы Анна Иоановна и Елизавета Петровна оказываются героинями буквально нескольких литературных анекдотов, что совершенно не соответствует той огромной роли, которую именно эти императрицы играют в становлении гинекратического извода русского государственного мифа, где они предстают в роли Минервы и Астреи. При этом обращает на себя внимание тот факт, что эти немногочисленные анекдоты полностью лишены какой-либо комической составляющей. Немногие сохранившиеся анекдоты нелицеприятно изображают ее советников и вельмож, вроде генерал-полицмейстера А. Татищева, который предлагает тем осужденным, которым по ошибке на лбу поставили клеймо «вор», добавлять в качестве реабилитации на лбу еще две буквы – «не» вор: «Тогда новые штемпели были разосланы по Империи...»⁸. Единственный анекдот, касающийся фигуры самой императрицы и повторяющийся в нескольких источниках, – анекдот о том, как императрица, встретив стадо быков, которых гнали на бойню, расчувствовалась и приказала гнать их пастись на свои Царицынские луга, заплатив хозяину стада их полную стоимость.

В случае с Анной Иоановной самым известным анекдотом является анекдот о двойнике императрицы, появившемся в тронном зале накануне смерти госуда-

⁴ Лотман 1994.

⁵ Фраймон.

⁶ Федотов 1927, 163.

⁷ Большая часть анекдотов взята из книги Е. Курганова «Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века».

⁸ Бантыш-Каменский 1847, 398.

рыни и занявшем ее престол⁹. Этот анекдот приводит к примечаниям к своим запискам «Взгляд на мою жизнь» поэт И.И. Дмитриев. Кульминация анекдота в передаче Дмитриева выглядит следующим образом: «Кто ты?» – спрашивает она (Анна Иоанновна – *Е. П.*) призрак. Тот молча идет и садится на трон. Императрица спрашивает и другой, и третий раз: нет ответа. Она, возвыся голос, приказывает стрелять. И вмиг призрак исчез. Прибавляют еще, будто государыня затрепетав, сказала Бирону: “Это вестник моей смерти, и что на другой же день слегла в постелью и вскоре потом скончалась”¹⁰. Правда, сам Дмитриев как государственный человек выражает сомнение относительно достоверности данной истории: «Эта сказка, вероятно, выдумана была около двора и разглашена недовольными правлением императрицы»¹¹. Очевидно, что данный анекдот испытал большое влияние фольклорной поэтики. Так, в нем появляется кумулятивная цепочка видевших призрак свидетелей: кавалергарды – капитан – Бирон. При этом никто из них не пытается вступить в контакт с призраком до прихода императрицы. Императрица трижды окликает призрак перед тем, как дать гренадерам команду стрелять, и т. д.

Малое количество анекдотов о правителях, почти тридцать лет управлявших Россией, можно объяснить отсутствием в 1730–1750-х гг. самого представления о «частной честной» (Г. Гачев) жизни монархов. Именно оно могло бы стимулировать творческую активность авторов анекдотов, изображающих своих героев в ситуациях, принципиально отличающихся от тех, в которых предпочитал видеть своих героев стиль «грандиозари» (Ю. Тынянов). Данный стиль, господствующий в русской литературе на протяжении всей эпохи классицизма, не способствовал развитию того личностного начала, которое является важнейшим структурообразующим элементом литературы нон-фикшн.

Ситуация кардинально изменяется во второй половине XVIII в., когда поэтика «частной честной» жизни при создании образа монарха начинает определять своеобразие его изображения в литературном анекдоте. В связи с этим анекдоты об императоре Павле I отличаются известной амбивалентностью. С одной стороны, достаточно много анекдотов, изображающих Павла I самодуром и тираном, отправляющим целые воинские соединения с парада в Сибирь. Чего стоит герценовский анекдот о гвардейском полковнике, попавшем в больницу и которого по ошибке представили Павлу как умершего. Император исключил его как умершего из списков полка, отвечая впоследствии на все просьбы несчастного: «Так как об г. офицере состоялся высочайший приказ, то в просьбе ему отказать»¹². Очевидно, что это анекдот мог подтолкнуть Ю. Тынянова на написание знаменитой повести «Подпоручик Кижэ». Особенно много исторических анекдотов о самодурстве и жестокости Павла в иностранных мемуарах, где он чаще всего выступает в роли новейшего Нерона. С другой стороны, во многих анекдотах Павел предстает достаточно умным и деятельным правителем, искренне стремящимся улучшить жизнь своих подданных и борющимся со злоупотреблениями, умеющим быть

⁹ При этом не учитываются анекдоты об императрице Анне, присутствующие в иностранных мемуарных источниках, например, в «Письмах леди Рондо», где подчеркивается избыточная мужественность нравов аннинского двора, требующего от светских женщин-придворных хорошего владения искусством стрельбы из ружья.

¹⁰ Дмитриев 1893, 369.

¹¹ Дмитриев 1893, 369.

¹² Герцен 1956, 267.

снисходительным и великодушным. Так, в «Старой записной книжке» П. Вяземского есть анекдот о «двух анператорах», когда лекарь Вилье, состоящий при великом князе Александре Павловиче, был по ошибке завезен ямщиком на ночлег в избу, где уже находился император Павел, так как он назвал себя «оператором» (хирургом). «Врешь, дурак, – смеясь сказал ему Павел Петрович, – император я, а он оператор». – «Извините, батюшка, – сказал ямщик, кланяясь царю в ноги, – я не знал, что вас двое»¹³. Одним из самых известных анекдотов подобного плана, передаваемым еще Д. Давыдовым, а впоследствии напечатанным в журнале «Русская старина» за 1874 г., был анекдот о Павле и майоре Сумского гусарского полка Якове Петровиче Кульневе, впоследствии герое 1812 года, который по причине своей бедности не мог позволить себе три кушанья, полагающиеся по указу императора майору, то есть чину VIII класса. Тем самым Павел хотел приучить своих подданных к умеренности и изгнать излишнюю роскошь. На вопрос императора, какие три кушанья подают за обедом у господина майора, он слышит ответ: «Курица плашмя, курица ребром и курица боком, – отвечал Кульнев. Император расхохотался»¹⁴. В данном случае находчивость подданного поддерживается снисходительностью императора, оценившего остроумный ответ. Кстати, именно эта черта императора отдаленно роднила его с его знаменитым предком императором Петром I, анекдот о встрече с духом которого представляет собой один из самых мистических анекдотов Павловского царствования. Этот анекдот сохранился в записках баронессы Оберкирх, вспоминаяющей как в Брюсселе 10 июня 1782 г., когда Павел и его супруга Мария Федоровна путешествовали за границей под именем графа и графини Северной, наследник престола рассказал за ужином историю своей встречи с призраком Петра на Сенатской площади. Петр является перед своим потомком в образе высокого незнакомца с орлиным взором, смуглым лбом и строгой улыбкой, завернутым в испанский плащ и с надвинутой на лицо шляпою, который обращается к нему со словами: «Павел! Бедный Павел! Бедный князь!», – предсказывает ему скорую смерть и завещает: «Живи по законам справедливости, и конец твой будет спокоен. Бойся укора совести; для благородной души нет более чувствительного наказания»¹⁵. Призрак предсказывает Павлу скорую новую встречу с ним на этом же месте, что исполняется, когда на площади возводится знаменитый памятник Петру работы Э. Фальконе – Медный всадник.

Этот анекдот, рассказанный самим Павлом, очень примечателен. С одной стороны, в нем проявляется та естественная тяга ко всему таинственному, неизвестному, что составляло характерную особенность характера великого князя, начиная с детских лет. Однако для государственного культурного мифа принципиальным является тот момент, что Павел в этом рассказе намеренно подчеркивает свою непосредственную духовную (мистическую) связь со своим прадедом Петром I, на которую, конечно, не может претендовать его мать Екатерина II, в жилах которой не течет ни одной капли русской крови.

Петр I и Екатерина II являются любимыми героями литературных анекдотов. При этом большинство анекдотов прославляет работоспособность и демократизм Петра (будущий культурный миф о вечном работнике на троне) и снисходитель-

¹³ Вяземский 1883, 73–74.

¹⁴ Русская старина 1874, 170.

¹⁵ Оберкирх 1869, 522.

ность Екатерины II к слабостям своих подданных (поэтическая мифология Фелицы). Большинство анекдотов о Петре I создавалось и записывалось во второй половине XVIII в., когда сама эпоха Петра стала восприниматься как эпоха мифологическая, аналог эпохи «золотого века», на возвращение которого надеется не только Стародум у Д. Фонвизина, но и большинство просвещенных дворян екатерининской эпохи. Творцами первых и наиболее репрезентативных анекдотов о Петре стали младшие современники петровской эпохи, имевшие счастье общаться с ним в свои юные годы. Так, И.И. Неплюев, гардемарин петровской эпохи, будущий губернатор Оренбургской области, в своих записках приводит несколько характерных анекдотов о Петре, в каждом из которых сам мемуарист является деятельным участником происходящих событий. Так, в одном анекдоте Неплюева рассказывается об экзамене вернувшихся из Испании гардемарин в коллегии в присутствии государя, когда Петр показывает мемуаристу свои руки и говорит: «Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли; а все от того: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству»¹⁶. В другом анекдоте прославляется терпимость императора по отношению к людям, хотя и совершившим проступок, но нашедшим в себе смелость честно в нем признаться. Опоздавший на работу на верви Неплюев, пришедший туда позже императора, вначале хочет сказать больным, но затем честно признается в истинной причине опоздания: «Вчера был в гостях и долго засиделся и оттого опоздал», – за что заслуживает похвалу Петра: «Спасибо, малый, что говоришь правду. Бог простит. Кто бабе не внук!»¹⁷ Наконец, один из характерных анекдотов петровской эпохи, отражающий специфику национального менталитета россиян, дошел в изложении Д.Н. Бантыш-Каменского. В нем речь идет о заседании Сената, когда Петр, слушая бесконечные донесения о «различных воровствах» своих подданных, приказывает генерал-прокурору Павлу Ягужинскому подготовить от его имени указ: «Что если кто и на столько украдет, что можно купить веревку, тот, без дальнейшего следствия, повешен будет». Ягужинский отказывается писать такой указ, сказав с улыбкой монарху: «Всемиловитейший государь! Неужели ты хочешь остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы воруют, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». Государь, погруженный в свои мысли, услышав такой забавный ответ, рассмеялся и замолчал»¹⁸.

В случае с императрицей Екатериной II русские авторы неизменно обращали внимание на умение императрицы ладить с людьми, сглаживать острые углы общения при дворе, ее неизменную снисходительность к людским слабостям. Сразу вспоминается шуточное предсказание императрицы о самой себе: «Я умру от услужливости». Примеры подобной снисходительности Екатерины II по отношению к людям, во множестве встречающиеся в мемуарных произведениях, часто в самом тексте принимая жанровую форму анекдота. Так, фрейлина императрицы графиня В. Головина в своих воспоминаниях приводит целый ряд таких анекдотов, относящихся к путешествию императрицы в Крым в 1787 г., во время которого императрица демонстрирует истинно императорское великодушие к

¹⁶ Неплюев 1871, 640.

¹⁷ Неплюев 1871, 642.

¹⁸ Бантыш-Каменский 1847, 568.

рассеянности своих спутников. Головина пишет: «У государыни была прекрасная бархатная шуба; австрийский посол восторгался ею. “Моим гардеробом заведует один из моих лакеев, – сказала ему государыня. – Он слишком глуп для другого занятия”. Граф Сегюр по своей рассеянности услышал только похвалу шубе и поспешил сказать: “Каков господин, таков и слуга”. Это вызвало общий смех. В тот же день за обедом государыня заметила, шутя, находившемуся постоянно при ней графу Кобенцелю, что ему, должно быть, утомительно ее всегдашнее общество. “Соседей не выбирают,” – отвечал тот. Эта новая рассеянность была принята с такою же веселостью, как и первая»¹⁹. Разумеется, эта снисходительности императрицы касается не только ее высокопоставленных иностранных гостей. Такие же черты своего характера и императорской стратегии поведения Екатерина II демонстрирует и по отношению к собственным сановникам и многочисленной прислуге, не забывающей пользоваться своим положением при дворе. В случае с сановниками один из самых ярких анекдотов – анекдот об адмирале В.Я. Чичагове, одержавшем в 1789–1790-х гг. блистательные победы над шведским флотом, за что он был осыпан милостями императрицы, пожелавшей услышать рассказ о сражении из его собственных уст. Адмирал, вначале смущавшийся, рассказывая все подробности решительной битвы, забыл, перед кем он находится, разгорячился и стал употреблять «такие слова, которые можно слышать только в толпе черного народа. “Я их... я их...” – кричал адмирал. Вдруг старик опомнился, в ужасе вскочил с кресел, повалился перед императрицей... «Виноват, матушка, Ваше императорское Величество...». «Ничего, – кротко сказала императрица, не дав заметить, что поняла непристойные выражения, – ничего, Василий Яковлевич, продолжайте; я ваших морских терминов не понимаю»²⁰. По сути дела в данном случае Екатерина демонстрирует классическое правило хорошего тона: не только самому не делать неловкостей, но и не замечать, когда подобную неловкость делает другой. По отношению к низшим сословиям лояльность императрицы проявляется прежде всего в том, что она намеренно не замечает их воровства, так же как и Петр I, понимая, что искоренить его полностью в России невозможно и снисходя к человеческим слабостям. Так, в анекдоте из сборника 1879 г. «Черты из жизни Екатерины» императрица, увидев придворного истопника, который увязывает в большой узел гостинцы из дворца для своей семьи и падает перед ней на колени, признавая свою вину, выводит его из дворца по тайной лестнице, чтобы не встретиться невзначай с обер-гофмаршалом, так как в противном случае «боюсь, что детям твоим ничего не достанется...»²¹. В другой раз, гуляя по саду, «императрица заметила, что лакеи несут из дворца на фарфоровых блюдах персики, ананасы и виноград. Чтобы не встретиться с ними, Екатерина повернула в сторону, сказав окружающим: “Хоть бы блюда мне оставили”»²². Эти анекдоты о Екатерине известны куда меньше, чем знаменитый анекдот о «звезде графа Суворова», впервые приведенный в «Загробных записках князя Н.С. Голицына»²³. С другой стороны, анекдоты не скрывают более чем равнодушного отношения

¹⁹ Головина 2006, 15.

²⁰ Русская старина 1874/X, 775.

²¹ Черты из жизни Екатерины 1879, 69.

²² Вейдемейер 1842, 157.

²³ Загробные записки князя Н.С. Голицына 1905.

императрицы, особенно во второй период своего царствования, к «малозначительным» событиям, даже если они касаются страданий конкретных маленьких людей, что не раз возмущало Г.Р. Державина в его бытность статс-секретарем императрицы. Характерен в этом отношении анекдот о полицмейстере Рылееве, которому императрица приказывает, уезжая в Царское Село, в случае какого-нибудь беспокойства в столице сразу явиться к ней в Царское Село с докладом. Ночью Рылеев прискакал в Царское Село, попросил разбудить императрицу по делу государственной важности и доложил ей, что в одной из отдаленных улиц Петербурга случился сильный пожар, в результате чего сгорели 3 мещанских дома в 1000, в 500 и в 200 рублей. «Екатерина усмехнулась и сказала: “Как вы глупы, идите и не мешайте мне спать”»²⁴.

Анекдоты о шутах в большей степени сохранили свою связь со средневековыми фацециями, где победа неизменно оказывается за человеком, владеющим острым словом, независимо от того, на кого направлено это слово, будь это сам монарх. Среди героев анекдотов о шутах первое место по праву занимает шут Петра – Иван Балакирев, который смело обличает перед императором его собственные промахи и неправое, чаще всего корыстолюбивое поведение его любимцев, того же князя А. Меншикова. Например, в анекдоте о ссущей в лужу лошади, которой дерзкий Балакирев уподобляет самого Петра, заставляя императора вспыхнуть от гнева: «“Мало ли в этой луже дряни; а она все еще подбавляет ее; мало ли у Данилыча всякого богатства, а ты все еще пичкаешь”, – сказал Балакирев»²⁵. При этом Балакирев, хоть порой и становится жертвой нетерпеливых кулаков и трости Петра, например, за дерзкий ответ Петру, что народ думает о Петербурге – «Народ говорит: с одной стороны море, с другой – горе, с третьей – мох, с четвертой – ох!»,²⁶ – неизменно одерживает нравственную победу над своими оппонентами.²⁷ Героями анекдотов не раз становились и другие известные шуты Петровской и Аннинских эпох: Ян д’Акоста – образованный португалец, говорящий на шести иностранных языках; Антонио Педрилло – итальянец, приехавший в Россию как музыкант, но сделавший блестящую карьеру придворного шута, любимца императрицы Анна Иоанновны; князь М.А. Голицын (Квасник, Кульковский) – «герой» знаменитой Ледяной свадьбы, разжалованный в шуты за женитьбу на католичке и изменение веры. В отличие от анекдотов Балакирева, анекдоты д’Акосты и Педрилло лишены социально обличительного пафоса, часто приобретая характер языковой игры или откровенной буффонады. Так, Педрилло в ответ на вопрос доктора, лечащего его жену, ела ли она сегодня говядину с аппетитом, простодушно отвечает: «Нет, с хреном»²⁸. А на просьбу своего шурина встретить «не сухо» нового мужа своей дочери окатывает его с ног до головы из двух пожарных труб Измайловского полка. В анекдотах, где действует Ян д’Акоста, очень силен гендерный аспект, что тоже характерно для фацеций. Причем в образе «злой жены» неизменно выступает супруга шута. В результате, когда шута спрашивают,

²⁴ Из старой Сойминовской... книжки 1904, 538.

²⁵ Полные анекдоты о Балакиреве 1837, 20.

²⁶ Русская старина 1871, 686.

²⁷ И это при том, что судьбу Балакирева трудно назвать счастливой. Замешенный в деле Виллиама Монса, Балакирев был пытан по приказу Петра и, как сообщник, приговорён к 60 ударам батогами и ссылке в Рогервик на три года.

²⁸ Полное и обстоятельное собрание 1869, 140.

почему он женился на женщине столь малого роста, он отвечает: «Признав нужным жениться, я заблагорассудил выбрать из зол, по крайней мере, меньшее»²⁹, – а когда приходит пора им праздновать серебряную свадьбу, то д'Акоста просит подождать еще пять лет, чтобы можно было «праздновать тридцатилетнюю войну»³⁰. Разнообразны по характеру анекдоты Квасника-Кульковского, который в позднем историко-литературном сознании воспринимался прежде всего как безвинная жертва жестокой шутки императрицы с Ледяной свадьбой (роман И. Лажечникова «Ледяной дом»). Напротив, в анекдотах он предстает как вполне уверенный и довольный своей участью человек, никогда не теряющий присутствия духа. Чего стоит анекдот о Кульковском и Бироне: «Герцог Бирон послал однажды Кульковского быть вместо себя восприемником от купели сына одного камер-лакея. Кульковский исполнил это в точности, но когда докладывал о том Бирону, то сей, будучи чем-то недоволен, назвал его ослом. “Не знаю, похож ли я на осла, – сказал Кульковский, – но знаю, что в этом случае я совершенно представлял вашу особу”»³¹.

Важное место в персонифицированной русскоязычной литературе анекдоты занимали образы поэтов и писателей, выступающих в анекдотах в различных функциях. Прежде всего в анекдотах о писателях неизменно ценится их остроумие и умение постоять за себя, используя острое слово. Это сближает анекдоты о писателях с анекдотами о шутах. Например, Ермил Костров, известный переводчик Гомера в XVIII в., любивший выпить, однажды после веселого обеда сел на диван, опрокинув голову на спинку. «Один из присутствующих, молодой человек, желая подшутить над ним, спросил: “Что, Ермил Иванович, у вас, кажется, мальчики в глазах?”. “И самые глупые,” – отвечал Костров»³². Очень остроумным человеком, который не лезет за словом в карман, выступает в анекдотах баснописец, а в XVIII в. писатель-сатирик Иван Крылов. В одном из них Крылов, страдающий от рожи на ноге, с трудом выходит на Невский, где встречает едущего мимо приятеля, который «не останавливаясь, кричит ему: “А что рожа, прошла?” Крылов же вслед ему: “Проехала!”»³³. В другом случае один из трех студентов, встретивших тучного Крылова на набережной Фонтанки, решает поупражняться в остроумии: «“Смотри, туча идет”. “И лягушки заквакали”», – спокойно отвечал баснописец в тот же тон студенту»³⁴. В то же время излишнее тщеславие писателя, желание быть первым стихотворцем неизменно вызывает насмешки. В этом отношении наиболее часто высмеиваемым поэтом в анекдотах является А. Сумароков. У А. Пушкина в «Table talk» сохранился характерный анекдот с участием А. Сумарокова и И. Баркова: «Сумароков очень уважал Баркова как ученого и острого критика и всегда требовал его мнения касательно своих сочинений. Барков пришел однажды к Сумарокову. “Сумароков великий человек! Сумароков первый русский стихотворец!” – сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему:

²⁹ Полное и обстоятельное собрание 1869, 121.

³⁰ Полное и обстоятельное собрание 1869, 121.

³¹ Полное и обстоятельное собрание 1869, 191.

³² Маяк 1840, 138.

³³ Гордин 1982, 269

³⁴ Гордин 1982, 300.

“Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец – я, второй Ломоносов, а ты только что третий”. Сумароков чуть его не зарезал»³⁵. Совершенно иную функцию выполняют анекдоты писателей о самих себе в составе собственных мемуарно-автобиографических текстов, где они чаще всего способствуют созданию ореола скрытой комплиментарности вокруг писателя, тем более что они сами зачастую принижают в анекдотах свой собственный образ. Так, Д. Фонвизин в «Чистосердечном признании о делах моих и помышлениях» с неподдельным комизмом и иронией описывает выпускные экзамены в гимназии при Московском университете, сдавая которые мемуарист, кстати, удостоился золотой медали. Анекдот об экзамене по географии звучит следующим образом: «Товарищ мой спрошен был: куда течет Волга? “В Черное море”, – ответил тот; спросили о том же другого моего товарища – “В Белое”, – ответил он; сей же самый вопрос был сделан мне – “Не знаю” – сказал я с таким видом простодушия, за что экзаменаторы единогласно мне медаль присудили»³⁶. Разумеется, обучение в гимназии было совсем не так плохо, как это представляет Фонвизин, выдавая себя за новоявленного Митрофанушку, живущего по принципу «а извозчики-то на что». В записках Г. Державина есть забавный случай, сами автором названный анекдотом, касающийся службы будущего поэта рядовым в Преображенском гвардейском полку в 1762 г. Однажды, отправленный в качестве вестового к князю Ф. Козловскому, достаточно известному поэту и переводчику, служащему прапорщиком 3 роты Преображенского полка, он застал у него поэта Василия Майкова, читающего свою новую трагедию. Отдав пакет, юный Державин замешкался у двери, чтобы послушать чтение. Однако Козловский, «приметя, что он не идет вон, сказал ему: “Пооди, братец служивый, с Богом, что тебе попусту зевать? Ведь ты ничего не смыслишь” – и он принужден был выйти»³⁷. Можно только предположить, с каким удовольствием Державин, став великим русским поэтом, рассказывал этот анекдот друзьям и приятелем, почитателям его таланта. Ведь имя не только Ф. Козловского, но и Вас. Майкова как знаменитых поэтов XVIII столетия так и не стало известным широкому кругу читателей, что нельзя сказать об имени ничего не смыслящего в поэзии «служивого».

Особое место среди литературных анекдотов XVIII в. занимали анекдоты о Г. Потемкине – самом известном фаворите императрицы Екатерины II, образ которого нашел самое широкое и разностороннее отражение в литературе XVIII в.: от оды «Победитель», являющейся переложением 90 псалма, до сатирического державинского «Вельможи».

Исключительное место, которое занимал Потемкин среди других фаворитов императрицы, во многом объяснялось не только величием его характера, но и тем, что он наиболее полно воплощал собой русский национальный тип со всеми его достоинствами и недостатками. Например, Ш. Массон, французский эмигрант, воспитатель великих князей Александра и Константина, приводил в своих записках мнение принца де Линя, знаменитого государственного деятеля и путешественника, который говорил о Потемкине так: «В этом характере есть

³⁵ Пушкин 1949, 170.

³⁶ Фонвизин 1959, 88.

³⁷ Державин 1871, 439.

и гигантское, и романтическое, и варварское»³⁸. Эта неизменно подчеркиваемая даже иностранцами необычность и исключительность Потемкина впоследствии приведет к созданию так называемого «потемкинского фольклора», которым, как известно, очень интересовался А.С. Пушкин. В этом «фольклоре», образцы которого приводили в своих записках Д. Давыдов и П. Вяземский, было много непристойного, но много и героически-возвышенного, как его понимали в XVIII в. При этом общий пафос анекдотов о Светлейшем не совпадал с той традицией романтизации его образа, которая наметилась в мемуарной литературе XIX столетия – например, у С. Глинки, издателя журнала «Русский вестник». Глинка во многом мифологизирует образ Светлейшего, делая его наиболее полным воплощением «золотого века» Екатерины Великой, культивирует в его образе черты романтической безмерности, что было характерно для литературного мироощущения I трети XIX в.: «И этот исполин... был странником: он жил бесприютно и умер в пустыне, на плаще, под сводом сумрачного неба октябрьского»³⁹.

В литературных анекдотах Потемкин предстает в образе снисходительного вельможи, который не хочет использовать во зло свое почти беспредельное могущество, а, наоборот, с готовностью помогает всем своим старым знакомым. Так, в сборнике «Исторических рассказов и анекдотов из жизни русских государей и замечательных людей XVIII и XIX столетий» 1885 г. приводится анекдот о сельском дьячке, в свое время учившем Светлейшего читать и писать. Узнав о возвышении своего ученика, дьячок явился в Петербург, ища его покровительства. Но так как оказалось, что никакую должность дьячок по старости и глупости выполнять не в состоянии, то Потемкин находит ему должность... смотрителя Медного всадника, обязав каждое утро доносить, крепко ли памятник стоит на постаменте, производя жалование из доходов самого Светлейшего. «Дьячок до самой смерти исполнял эту обязанность и умер, благословляя Потемкина»⁴⁰. В «потемкинском фольклоре» А. Пушкина, нашедшем отражение в его «Table talk», Потемкин выступает одновременно и как снисходительный вельможа, порой весьма «вольно» обращающийся со словом, и как человек, хорошо знающий человеческую психологию. Пушкин писал: «Надменный в сношениях своих с вельможами, Потемкин был снисходителен к низшим. Однажды ночью он проснулся и начал звонить. Никто не шел. Потемкин соскочил с постели, отворил дверь и увидел ординарца своего, спящего в креслах. Потемкин сбросил с себя туфли и босой прошел в переднюю тихонько, чтоб не разбудить молодого офицера»⁴¹. Это снисходительность по отношению к низшим роднит Светлейшего с императрицей Екатериной II⁴². В качестве образца «стихотворства» Светлейшего Пушкин приводит следующий анекдот: «Когда Потемкин вошел в силу, он вспомнил об одном из своих деревенских приятелей и написал ему следующие стишки:

Любезный друг,
Коль тебе досуг,

³⁸ цит. по: Массон 1996, 69.

³⁹ Глинка 2004, 18.

⁴⁰ Исторические рассказы и анекдоты 1885, 301.

⁴¹ Пушкин 1949, 172.

⁴² Подобный сюжет в анекдотах во многом является интернациональным. Во многих французских анекдотах времен Первой империи чертами подобной снисходительности по отношению к собственным солдатам и младшим офицерам наделяется Наполеон Бонапарт.

Приезжай ко мне;
Коли не так,
Лежи в говне.

Любезный друг поспешил приехать на ласковое приглашение». Как образец знания Потемкиным человеческой психологии Пушкин приводит анекдот о молодом Ш*, который напроказил так, что князь Б* решил пожаловаться на него государыне. Родня повесы просила Потемкина заступиться. Потемкин приказал Ш* приехать к нему на следующий день и быть посмелее: «Ш. явился в назначенное время. Потемкин вышел из кабинета в обыкновенном своем наряде не сказал никому ни слова и сел играть в карты. В это время приезжает князь Б. Потемкин принимает его как нельзя хуже и продолжает играть. Вдруг он подзывает к себе Ш. “Скажи, брат”, – говорит Потемкин, показывая ему свои карты, – “как мне тут сыграть?”. “Да мне какое дело, Ваша Светлость”, – отвечает ему Ш., – “играйте, как умеете”. “Ах, мой батюшка”, – возразил Потемкин, – “и слова тебе нельзя сказать; уж и рассердился”. Услыша такой разговор, князь Б. раздумал жаловаться»⁴³.

Тем не менее, «случай» фаворита был очень изменчив и полностью зависел от благорасположения государыни, чья кажущаяся или действительная немилость сразу же приводили к закату «счастья» временщика. Замечательной иллюстрацией к этим словам может служить анекдот, рассказанный в «Записках» Л. Энгельгардта, племянника и адъютанта Потемкина. Энгельгардт вспоминает, как в 1783 г. в результате интриг княгини Е.Р. Дашковой и молодого фаворита А. Ланского «государыня оказала к Потемкину немилость». В результате «из придворных, так и прочих знатных людей никто у него не бывал, а сему следуя, и другие всякого звания люди его оставили; близ его дома ни одной кареты не бывало; а до того вся Миллионная была заперта экипажами, так что трудно было и проезжать»⁴⁴. Однако затем императрица сменила гнев на милость и, разобравшись с клеветой, возвратила Потемкину свое благорасположение вместе с указанием о пожаловании его президентом военной коллегии, то есть фельдмаршалом. Энгельгардт пишет: «...он встал с постели, надел мундирную шинель, повязал на шею шелковый розовый платок и пошел к императрице, как он хаживал к ней по утрам. Не прошло еще двух часов, как уже все комнаты его были наполнены, и Миллионная снова заперлась экипажами; те самые, которые более ему оказывали холодности, те самые более перед ним пресмыкались»⁴⁵. Самое интересное, что и Потемкин, и пресмыкающиеся перед ним придворные, да и сам мемуарист воспринимали подобную «игру фортуны» как само собой разумеющееся. Это как раз та атмосфера, в которой протекала жизнь знаменитого Максима Петровича из комедии А. Грибоедова «Горе от ума» и которая была заклеяна драматургом под именем «века минувшего».

В целом, оценивая персоносферу русского литературного анекдота XVIII столетия, нельзя не признать, что ее важность в контексте общей поэтики данного литературного жанра во многом была обусловлена своеобразием исторического момента. Часто выполняя функцию субкультурного фольклора российского дво-

⁴³ Пушкин 1949, 171.

⁴⁴ Энгельгардт 1997, 41.

⁴⁵ Энгельгардт 1997, 41.

рянства, анекдот был предельно ориентирован на конкретные имена, каждое из которых в жанровой традиции анекдота превращалось в некий ономоф – миф имени, обладатель которого «проживал» в анекдоте свою жизнь, отличающуюся как от жизни в старших жанрах классицизма, так и от тех текстов, в составе которых функционировал сам анекдот. Так, анекдоты в «Чистосердечном признании...» Фонвизина по своему пафосу прямо противоположны той традиции христианского исповедального слова, которой мемуарист стремится придерживаться в записках и чему служат библейские эпитафии каждой из глав. Для сравнения, в русских литературных анекдотах XIX в. место и функции персоносферы в общей поэтике литературного анекдота изменятся. При сохранении общей структуры персоносферы (анекдоты о правителях, писателях, чудаках, силачах, денди, пришедшие на смену анекдотам о шутах) на смену культу экстраординарной личности приходит традиция изображения экстраординарных событий (анекдоты о войне 1812 года, восстании на Сенатской площади, Польской, Венгерской и Крымской кампаниях). На смену анекдотам, в центре которых находилась замечательная личность, приходят анекдоты, героями которых становятся анонимные персонажи – одна дама, один господин, врач, священник и т. д., что свидетельствует об определенной демократизации анекдота, начале его функционирования за пределами дворянской субкультуры, в широких городских слоях русского общества. Одновременно с этим анекдот теряет свою непосредственную связь с античным анекдотом с его необязательным комизмом, жестко подчиняясь тем законам анекдотического жанра, о которых писал Е. Курганов: краткость, пуантировка, принцип буквально реализованной метафоры и расподобления смыслов, закон недIALOGA с феноменом рождения «глухонемого слова»⁴⁶. Как следствие, анекдот все более и более принимает привычную для нас форму и смысл, все дальше отходя от тех анекдотов «минувших дней», которые хранил в своей памяти Евгений Онегин у А.С. Пушкина.

ЛИТЕРАТУРА

- Бантыш-Каменский, Д.Н. 1847: *Словарь достопамятных людей русской земли*. СПб.
 Белова, Н.А. 2008: *Литературный анекдот в русской прозе и периодике первой трети XIX века*. Нижневартовск.
 Вейдемейер, А.И. 1842: *Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия*. Ч.2. СПб.
 Вяземский, П.А. 1883: *Старая записная книжка. Полное собрание сочинений*. Т. VIII. СПб.
 Герцен, А.И. 1956: *Полное собрание сочинений*. Т. VIII. М.-Л.
 Глинка, С.Н. 2004: *Записки*. М.
 Голицын, А.Н. 1859: *Загробные записки князя Николая Сергеевича Голицына, из сказаний дяди его, князя Александра Николаевича Голицына*. СПб.
 Головина, В.Н. 2006: *Воспоминания*. М.
 Гордин, А.М. (ред.) 1982: *И.А. Крылов в воспоминаниях современников*. М.
 Державин, Г. 1871: *Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота*. Т. VI. СПб.
 Дмитриев, И. 1893: *Взгляд на мою жизнь*. СПб.

⁴⁶ Курганов 1997.

- Из старой Соймоновской записной книжки 1904. *Русский Архив* 3.
Исторические рассказы и анекдоты из жизни русских государей и замечательных людей XVIII и XIX столетий. 1885. СПб.
Курганов, Е. 1997: *Анекдот как жанр*. СПб.
Лотман, Ю.М. 1994: *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века)*. СПб.
Массон, Ш. 1996: *Секретные записки о России, и в частности о конце царствования Екатерины II и правления Павла*. М.
Маяк 1840: *Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской* 4.
Неплюев, И.И. 1871: Записки. *Русский архив* 4–5, 579–697.
Оберкирх, Г.Л. 1869: Рассказ великого князя Павла Петровича о видении ему Петра I. *Русский архив* 3, 517–526.
Полное и обстоятельное собрание подлинных исторических, любопытных, забавных и нравоучительных анекдотов четырех увеселительных шутов Балакирева, Д’Акосты, Педрилло и Кульковского. 1869. СПб.
Полные анекдоты о Балакиреве, бывшем шути при дворе Петра Великого. 1837. Ч. 2. М.
Пушкин, А.С. 1949: *Полное собрание сочинений*: в 17-ти т. Т. 12. М.-Л.
Черты из жизни Екатерины II 1879. *Древняя и новая Россия* I, 66–71.
Федотов, Г.П. 1927: Трагедия интеллигенции. *Версты*. Париж, 145–184.
Фонвизин, Д.И. 1959: Чистосердечное признание о делах моих и помышлениях. *Собр. соч.*: в 2 т. Т. 2, М. – Л., 81–109.
Фраймон, И. Русские мемуары в историко-типологическом освещении к постановке проблемы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html>
Энгельгардт, Л.Н. 1997: *Записки*. М.

REFERENCES

- Bantysh-Kamenskij, D.N. 1847: *Slovar' dostopamjatnyh ljudej russkoj zemli*. Saint-Petersburg.
Belova, N.A. 2008: *Literaturnyj anekdot v russkoj proze i periodike pervoj treti XIX veka*. Nizhnevartovsk.
Cherty iz zhizni Ekateriny II 1879. *Drevnjaja i novaja Rossija* I, 66–71.
Derzhavin, G. 1871: *Sochinenija Derzhavina s objasnitel'nymi primechanijami Ja. Grotta*. T. VI. Saint-Petersburg.
Dmitriev, I. 1893: *Vzgljad na moju zhizn'*. Saint-Petersburg.
Fedotov, G.P. 1927: *Tragedija intelligencii. Versty*. Parizh, 145–184.
Fonvizin, D.I. 1959: Chistoserdechnoe priznanie o delah moih i pomyshlenijah. *Sobr. soch.*: v 2 t. T. 2, M. – L., 81–109.
Frajmon, I. *Russkie memuary v istoriko-tipologicheskom osveshhenii k postanovke problemy*, <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html>
Gercen, A.I. 1956: *Polnoe sobranie sochinenij*. T. VIII. Moscow-Leningrad.
Glinka, S.N. 2004: *Zapiski*. Moscow.
Golicyn, A.N. 1859: *Zagrobnye zapiski knjazja Nikolaja Sergeevicha Golicyna, iz skazanij djadi ego, knjazja Aleksandra Nikolaevicha Golicyna*. Saint-Petersburg.
Golovina, V.N. 2006: *Vospominanija*. Moscow.
Gordin, A.M. (red.) 1982: *I.A. Krylov v vospominanijah sovremennikov*. Moscow.

- Istoricheskie rasskazy i anekdoty iz zhizni russkih gosudarej i zamechatel'nyh ljudej XVIII i XIX stoletij*. 1885. Saint-Petersburg.
- Iz staroj Sojmonovskoj zapisnoj knizhki* 1904. Russkij Arhiv 3.
- Jengel'gardt, L.N. 1997: *Zapiski*. Moscow.
- Kurganov, E. 1997: *Anekdot kak zhanr*. Saint-Petersburg.
- Lotman, Ju.M. 1994: *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nach. XIX veka)*. Saint-Petersburg.
- Majak 1840: *Zhurnal sovremennogo prosveshhenija, iskusstva i obrazovannosti v duhe narodnosti russkoj* 4.
- Masson, Sh. 1996: *Sekretnye zapiski o Rossii, i v chastnosti o konce carstvovanija Ekateriny II i pravlenija Pavla*. Moscow.
- Nepljuev, I.I. 1871: *Zapiski*. *Russkij arhiv* 4–5, 579–697.
- Oberkirh, G.L. 1869: *Rasskaz velikogo knjazja Pavla Petrovicha o videnii emu Petra I*. *Russkij arhiv* 3, 517–526.
- Polnoe i obstoatel'noe sobranie podlinnyh istoricheskikh, ljubopytnykh, zabavnykh i nra-vouchitel'nykh anekdotov chetyreh uveselitel'nykh shutov Balakireva, D'Akosty, Pedrillo i Kul'kovskogo* 1869. Saint-Petersburg.
- Polnye anekdoty o Balakireve, byvshem shute pri dvore Petra Velikogo* 1837. Ch. 2. Moscow.
- Pushkin, A.S. 1949: *Polnoe sobranie sochinenij: v 17-ti t.* T. 12. M.-L.
- Vejdemejer, A.I. 1842: *Dvor i zamechatel'nye ljudi v Rossii vo vtoroj polovine XVIII stoletija*. Ch.2. Saint-Petersburg.
- Vjazemskij, P.A. 1883: *Staraja zapisnaja knizhka. Polnoe sobranie sochinenij*. T.VIII. Saint-Petersburg.

THE PERSONSPHERE OF THE RUSSIAN LITERARY ANECDOTE OF THE 18th CENTURY

Elena E. Prikazchikova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yelsin, Russia,
miegata-logos@yandex.ru

Abstract. The article discusses personsphere of the Russian literary anecdote of the 18th century, a genre which served as an alternative to the dominant genres of classicism. Often functioning as a part of memoir text, the anecdote reflected the originality of personal beginning start “private honest” life in the depiction of such significant figures of the eighteenth century, as the figure of the Emperor (Empress), court jester, poet and nobleman. The author answers the question, what personal and socially determined qualities of each of these people have allowed one to become the hero of anecdotes, and how the originality of national subcultural psychology of Russian nobility was reflected in the anecdote.

Key words: Russian literary anecdote, 18th century, personsphere, subcultural psychology of the Russian nobility